

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тот, кого весь мир знает как чудесного сказочника, автора знаменитых книг об Алисе, обладал многими талантами. Математик и ученый отлично уживался в Льюисе Кэрролле с художником и поэтом. Стихи Льюиса Кэрролла (кроме тех, что вошли в «Алису в Стране чудес» и «Алису в Зазеркалье») у нас не очень известны. Между тем он начинал свой путь в литературе как юмористический поэт. Стихи он писал всю жизнь, начиная с детства, с тех самодельных домашних журналов, которые он целиком придумывал и рисовал, и кончая лирическими стихами, собранными в вышедшей уже после его смерти книге «Три заката».

Юный Чарльз Доджсон (свой псевдоним Льюис Кэрролл он придумает намного позже) был старшим в большой семье и привык развлекать своих сестер и братишек играми, которые сам придумывал, смешными рисунками и стишками. Самый первый из его сохранившихся рукописных журналов назывался «Полезная и назидательная поэзия»; он датируется 1845 годом, когда будущему писателю было только 13 лет. Диву даешься, какие остроумные и мастеровитые стихи Чарльз писал уже в столь юном возрасте: лимерики, абсурдные басни, пародии на Шекспира и других поэтов...

Свой последний рукописный журнал он писал, уже поступив в университет. В последующие годы он писал впе-

ремежку смешные и серьезные стихи и печатал их в разных оксфордских и лондонских журналах. Особый интерес для поклонников Кэрролла представляют те из них, которые он впоследствии в доработанном или переработанном виде вставил в свои знаменитые сказки. Таково, например, «Загадочное стихотворение» («Он знал про этот разговор...»); оно превратилась в письмо-улику, прочитанное Белым Кроликом на королевском суде.

Большинство стихов Кэрролла пародийны, причем часто он пародирует не конкретного автора, а шире — модный жанр или форму викторианской поэзии, например, увлеченные балладами с рефренами:

Пока сверчок за печкой пел,
(*О счастье без предела!*)
Спешил прохожий по тропе.
(*А мне какое дело?*)
(«Баллада о запоздалом путнике»)

или восточной тематикой:

Халиф сидел на троне во дворце
С брезгливым выраженьем на лице.
Свой край опустошив и разорив,
Соскучился властительный халиф.
Визирь, чтобы повелителя развлечь,
Приблизившись, завёл такую речь...
(«Восточная притча»)

В молодые годы он сочинял, по большей части, юмористические стихи в духе знаменитого журнала «Панч». Правда, с этим журналом отношения у него в те годы не сложились, но были другие журналы, которые с удовольствием его пуб-

ликовали. Лучшие из этих стихов Кэрролл собрал в сборнике «Фантасмагория и другие стихотворения» (1869), впоследствии переизданном в расширенном виде под эксцентрическим названием «Складно? И ладно» («*Rhyme? And Reason?*»). Когда в 1865 году вышла «Алиса в Стране чудес» и ее автор моментально прославился, определился главный метод Кэрролла в поэзии — нонсенс и передразнивание — и его главная целевая аудитория — дети.

Для детского чтения он предназначал и свою поэму «Охоту на Снарка». И действительно, некоторые дети (которые постарше) ее читают и любят, но все-таки это вещь уже не совсем детская; это просто классика литературы абсурда.

Нужно сказать еще о книге Кэрролла «Сильвия и Бруно» — романе в стиле фэнтези, как сказали бы сейчас. На эту вещь он возлагал большие надежды, которые, к сожалению, не вполне оправдались. Критики склонны считать эту книгу неудачей Кэрролла. Скажем так: относительной неудачей. Но некоторые вставные стихи из «Сильвии и Бруно» дополнили золотой фонд английской поэзии нонсенса: в первую очередь это относится к «Песне Безумного садовника», которая достойна встать в ряд со знаменитой балладой о Бармаглоте и «Папашей Уильямом».

Наш сборник предназначается в основном для тех читателей, кто знает Льюиса Кэрролла только по этим хрестоматийным стихам. Мы бы хотели дополнить представление о нем как о выдающемся комическом поэте Англии, сравнить с которым можно только другого гения абсурда — Эдварда Лира.

Предлагаемый читателям сборник — самое полное собрание стихотворений Кэрролла, не вошедших в его сказки об Алисе. В него вошли ранние стихи Чарльза Доджсона из его рукописных журналов, юмористические вещи из

8 *Льюис Кэрролл*

сборника «Фантасмагория», поэма «Охота на Снарка», несколько вставных стихотворений из книги «Сильвия и Бруно» и так далее. Смесь мудрости с чепухой, как сказал бы Шекспир; большие вещи рядом с россыпью поэтической «мелочи», забавной и драгоценной.

В Дополнение книги я включил несколько своих эссе о любимом авторе, в том числе имеющие прямое отношение к публикуемым стихам: о Кэрролле-фотографе и об истории своего перевода «Охоты на Снарка».

Григорий Кружков

Из «ПОЛЕЗНЫХ
И НАЗИДАТЕЛЬНЫХ
СТИХОТВОРЕНИЙ»
1845

ИСТОРИЯ С ХВОСТОМ

Один садовник пожилой
Крыжовник собирал.
Он собирал крыжовник
И уносил в подвал.

А рядом с ним вертелся пес —
С таким большим хвостом,
Каких я больше не встречал
Ни прежде, ни потом.

Хвост был не просто длинноват,
Шкодлив или вертляв —
Он гибок был, упруг, могуч,
Как истинный удав.

Пес этим редкостным хвостом
Гордился, и не зря,
И часто, морду ввысь задрал,
Он громко взлаивал: «Гав-гав!»,
Судьбу благодаря.

И вдруг собачий этот хвост
Нечаянно махнул
И две садовника ноги
Петлею захлестнул.

Садовник даже сгоряча
Не понял, что такое —
И почему не может он
Пошевелить ногою.

— Я на ногах едва стою,
И это как-то странно,
Ведь я с утра совсем не пил —
Ну, виски полстакана,

Ну, пива кружки две махнул,
И третью — для порядка,
Да бренди пару раз хлебнул...
С чего бы мне так шатко?

Тут он взглянул и видит — хвост! —
А был старик горячий,
Схватил топор — и в тот же миг
Оттяпал хвост собачий.

— Ура! Свободен! — Он вскричал,
Довольный сам собою.
А бедный пес, утратя хвост,
Умчался, громко воя!

Мораль: Лишнего не пей.

БРАТ И СЕСТРА

А ну, сестра, иди в кровать,
Пора уже малышкам спать.
Сестра вскричала: «Как! Опять?»

«Молчи и спи, когда велят!» —
«Не очень-то командуй, брат!
Как стукну — так не будешь рад».

«Лежи, сестра, и ни гу-гу!
Не то рассвирепеть могу
И сделать из тебя рагу!»

Она взбрыкнула, словно конь,
И из очей метнув огонь,
Сказала гневно: «Только тронь!»

Помчался брат к стряпухе Джей:
«Дай сковородку мне скорей —
Побольше и потяжелей!»

«А для чего тебе она?» —
«Сварить рагу из кабана:
Вот для чего она нужна».

«А где возьмешь ты кабана?»

«Есть у меня сестра: она

Сойдет мне вместо кабана!»

«Так дашь мне сковородку?»

— «На!»

Мораль:

Сестру не жарь и не вари,

А нежно с ней поговори!

МОЯ ФЕЯ

Среди других волшебных фей
Одну я знаю фею;
Она мне говорит: — Не смей! —
И я уже не смею.

Захочется ли мне вздремнуть,
— Не спи! — она внушает.
Вина ли вздумаю глотнуть,
— Не пей! — предупреждает.

Порою станет мне смешно,
Она грозит: — Не смейся!
На Кэти загляжусь в окно,
Бормочет: — Не надейся!

— Так что же делать? — я вскричал,
От возмущенья розов.
Но тот же голос отвечал:
— Не задавай вопросов!

Мораль: Нельзя, и точка!

ПОЛЕЗНЫЕ ПРАВИЛА

Во избежание
Хандры и брюзжания
И для снижения
Напряжения
Путем продления
Расслабления
За чаепитием,
Где всем событиям
И судьбам нации
Дают с умением
Интерпретации
За неимением
Заняття здорового
И не кровавого, —
Выскажу мнение,
Что применение
Данного сочинения —
Залог повышения
Всяческого улучшения.

Учи грамматику
И акробатику,
Пиши красиво,
Не пой фальшиво,

Зимой и летом
Вставай с рассветом,
Пей чай с молоком,
Гуляй пешком.
Ешь аккуратно,
Смейся приятно,
Гляди веселей,
Кофе не пей.
В мед пальцем не тыкай,
Не будь заикой,
Не спи вверх ногами,
Не сори деньгами –
Береги природу,
Не суйся в воду,
С огнем не играй,
Бумагу не марай.
Не теряй платков,
Не ешь пирожков
С холодной бараниной.
На палец пораненный
Лей смело йод,
Но не суй его в рот.
Не лягай лошадей
(А также людей:
Вдруг они сильнее).
Родных возлюби,
Остальным груби.
Впрочем, тебе видней.

Мораль: Будь умницей.

СЦЕНА ИЗ ШЕКСПИРА
С ВАРИАЦИЯМИ

У о р и к

Угодно ль, принц, вам с нами удалиться?

П р и н ц

Нет, я останусь возле короля.

Все, кроме принца Генриха, уходят.

«Зачем лежит корона на подушке,
Монарха беспокойная подруга?
Тревоги блеск! Забота золотая!
Как часто двери сна ты держишь настежь
Бессонной ночью — спи же с ним теперь!
Но не таким здоровым, сладким сном,
Как тот, кто в грубом столбуне ночном
Храпит себе до утра».

К о р о л ь

Объясни мне,
Что значит это слово, Гарри.

П р и н ц

Слово?

Какое слово, государь?

К о р о л ь

Вот это —

Сам только что сказал ты: «в столбуне».

П р и н ц

Так называется ночной колпак
Из грубой шерсти, в коем поселяне
Ложатся спать, чтоб не продуло уши.

К о р о л ь

Спасибо, Гарри, можешь продолжать.

П р и н ц

Итак, я продолжаю. «О величье!
Тому, чью голову сдавил венец,
Он — словно шлем роскошный в знойный полдень,
Что, охраняя, жжет».

К о р о л ь

И может сжечь
До волдырей. Опасно в летний зной
Ходить в железном шлеме. Напечет,
Так не обрадуешься.

П р и н ц

Умоляю

Не прерывать меня. «У самых врат
Его дыхания лежит пушинка.
Она не дрогнет даже».

К о р о л ь

Я не знал.

Смахни ее!

П р и н ц

«Король! Отец мой добрый!
Да, крепок этот сон. Он разлучил
С короной много мощных базилевсов».

К о р о л ь

Постой! Что значит «базилевс»?

П р и н ц

Не знаю.

Но на конце строки звучит неплохо.

К о р о л ь

Допустим. Но зачем ты повторяешь
Слова, в которых смысла не сыскать?

П р и н ц

Что сказано, то сказано. Обратно
Взять не могу.

К о р о л ь

Согласен. Продолжай.

П р и н ц

«По праву ты получишь от меня
Дань горьких слез и тягостной печали:
Тебе, отец, ее заплатят щедро
Моя природа, нежность и любовь.
По праву получу я от тебя
Венец...»

К о р о л ь

По праву? По какому праву?

П р и н ц

Как будто вы не знаете, милорд!
И вообще вы спите. Так не надо
Со мною спорить.

К о р о л ь

Я не спорю, Гарри.
Я лишь увидел в логике твоей
Существенный пробел.

П р и н ц

В ней нет пробела.
Мой вывод следует из предпосылки.

К о р о л ь

Так в чем же эта предпосылка, Гарри?
Я сплю или не сплю?

П р и н ц

Вы спите, сэр,
Затем, что спать вам должно в этой сцене.

К о р о л ь

С тобою не поспоришь. Продолжай.

П р и н ц

«По праву я возьму твою корону.
Пускай все силы мира соберутся
В одной руке чудовищной — не вырвать
Ей у меня наследственного сана!
И сыну я оставлю сей венец,
Как ты его оставил мне, отец».

ПУНКТУАЛЬНОСТЬ

Откладывание нужных дел —
И самых неотложных —
Вот смертных горестный удел
Но с ним бороться можно.

Свой день планируй по часам
И плану следуй строго;
А времени — увидишь сам —
В обычных сутках много.

Слова «до завтра подождет»
Оставьте разгильдиям;
А мы во всём блюдем черед
И всюду успеваем.

Изыществом своих манер
Тот вряд ли озабочен,
Кто ходит (в гости, например),
Неряшлив и всклокочен.

Быть позже хоть на пять минут —
Привычка не почтенна;
Войти, когда часы пробьют, —
Вот точность джентльмена!

ЗВЕЗДА И ПУЛЯ

Если б взял я ружье и стрельнул в вышину,
Улетела бы пуля моя на Луну –
Иль доставила Солнцу привет от Земли,
Хоть на это бы долгие годы ушли.

Ну, а если бы взял я Звезду на прицел
И пустить в нее дерзкую пулю посмел,
Не попала бы пуля в Звезду НИКОГДА –
Так ужасно от нас далека та Звезда.

ВОСТОЧНАЯ ПРИТЧА

Халиф сидел на троне во дворце
 С брезгливым выраженьем на лице.
 Свой край опустошив и разорив,
 Соскучился властительный халиф.
 Визирь, чтоб повелителя развлечь,
 Приблизившись, завёл такую речь:

«Есть древняя легенда, господин,
 Узнать её достоин ты один.
 На ветке дуба старый сыч сидел,
 С ним рядом юный сыч на ветку сел:
 – Я, батюшка, жениться захотел.
 Какую область дашь ты мне в удел?
 – Сын милый, погоди хотя бы год;
 Коль этот срок халиф наш проживет,
 Я буду выделить тебе готов
 Сто опустевших, мёртвых городов,
 И в тот же самый день — твой брачный день —
 Сто разоренных, мертвых деревень».

Визирь, договорив, скосил глаза
 И видит: по щеке ползет слеза.
 Легенде вняв, растрогался халиф —
 И, поведенье в корне изменив,

Решил он стать примером для других
Халифов — и на подданных своих
Пролил благодеяния. И — ах! —
Край, утопавший в горе и слезах,
Отныне утопать в них перестал
И с этих пор купаться в счастье стал.

ЗАГАДОЧНЫЙ ГОСТЬ

Помнится, я отдыхал за чтением какой-то брошюры,
Как вдруг: тук-тук-тук! — тихий звук, как ветерка

дуновенье,

Раздался за дверью. Я крикнул сердито и громко:

«Эй, кто там,

Хватит за дверью переминаясь — входите!»

Робко вошел он, держа в руках цилиндр и перчатки,

И чрезвычайно учтиво, почтительно мне поклонился.

«Кто вы?» — вскричал я, озлясь. А он любезнейшим

тоном,

Руку к сердцу прижав и кланяясь низко, ответил:

«Ваш препокорный слуга, господин Прикурамшувель»,

В бешенстве я колокольчик схватил и затряс им:

«Эй, Энди,

Джордж, Томми, Дик! — завопил я. — Выставьте

точас за двери

Этого господина!» Мой гость на меня без упрёка,

но с грустью

Тихо взглянул, смиренно попятился к двери,

Низко опять поклонился — и так, держа руку у сердца,

Со всевозможной учтивостью кротко навек удалился.